

Воспоминанія Мыютинскаго миссіонера.

25 марта 1860 года, утромъ въ 4 часа, я прибылъ на службу въ миссію въ с. Улалу и остановился въ миссіонерскомъ домѣ, гдѣ помѣщалось училище.

Улала въ то время была еще маленькой деревушкой. Гдѣ теперь дома, тутъ были озера и болота, на которыхъ инородцы стрѣляли щукъ и утокъ.

Церковь была маленькая, низенькая, съ походнымъ иконостасомъ. Колокольни при ней не было, колокола (самый большой въ 5 п.) помѣщались на боковомъ крыльцѣ.

Миссіонерскихъ построекъ было мало, да и тѣ были ветхія и тѣсныя: домъ начальника миссіи, другой небольшой домикъ, гдѣ жилъ миссіонеръ священникъ о. Іоаннъ Смольяниковъ и училищный корпусъ, гдѣ помѣщались училище, учитель и всѣ другіе служащіе. Вотъ и всѣ постройки.

Заблаговѣстили къ обѣднѣ. Иду и я въ церковь. По первому звону со всѣхъ сторонъ идутъ новокрещенные на молитву. Звонъ еще не кончился, а церковь была буквально набита народомъ. Взглянулъ я на людей—лица все не русскія. Въ церкви тишина, новокрещенные стоятъ благоговѣйно. Часы читалъ мальчикъ, ученикъ миссіонерской школы. Чтеніе ясное, отчетливое, не спѣшное и благоговѣйное. Видно было, что чтецъ находился въ хорошихъ рукахъ и приготовленъ опытнымъ учителемъ. Люди стоятъ въ церкви не какъ попало, а раздѣльно: мужчины по правую сторону, женщины—по лѣвую.

Началась литургія. Служилъ начальникъ миссіи, протоіерей о. Стефанъ Лавдышевъ.

Я думалъ, что услышу одного пѣвца, въ добавокъ съ нескладнымъ голосомъ и слабымъ знаніемъ своего дѣла, какъ это было въ то время въ приходскихъ сибирскихъ церквахъ. Не то мнѣ пришлось услышать здѣсь. Пѣла вся церковь: пѣли мужчины и женщины, пѣли мальчики и дѣвочки, ученики миссіонерской школы.

Смотря на бѣдную обстановку церкви, видя предъ собою людей простыхъ, бѣдныхъ, принимающихъ живое участіе въ богослуженіи, я отъ души благодарилъ Бога, что Онъ сподобилъ меня служить въ такомъ мѣстѣ, гдѣ люди едиными устами и единымъ сердцемъ славятъ великое имя своего Творца. А видя усердіе, съ какимъ молились новокрещенные, мнѣ думалось: нынѣ силы небесныя съ нами невидимо служатъ; потому то и духъ молящихся такъ высоко паритъ. Вѣкъ апостольскій давно прошелъ, а здѣсь онъ продолжается.

Не одно «Господи помилуй» пѣлъ народъ, а всю службу. Особенно пріятно было слышать, какъ пѣлъ этотъ могучій хоръ: Вѣрую во единого Бога... Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ... Тебе поемъ, Тебе благословимъ, Тебе благодаримъ Господи... Отче нашъ, иже еси на небесехъ.

И это пѣли недавніе язычники, многобожники. Это пѣніе высоко поднимало душу, увосило ее высоко, высоко къ престолу Господа Славы.

Символь вѣры и молитву Господню пѣли по татарски.

О протоіерей не обладалъ большимъ голосомъ, служилъ онъ тихо. Но, при тишинѣ въ церкви, голосъ его слышенъ былъ всѣмъ, а тѣ чувства, которыя выражались этимъ голосомъ и молитвенное настроеніе служащаго, проникали въ сердце народа и возбуждали духъ молитвы, умиленія и благодаренія предъ Господомъ.

Во время приобщенія дѣтей обыкновенно поднимается крикъ дѣтскій на всю церковь и шумъ отъ уговаривающихъ ихъ матерей. Ничего подобнаго не было въ Улалинской церкви. Подходили чинно, не тѣсясь, ни одинъ ребенокъ не кричалъ. И тутъ видна заботливость пастырская о благочиніи церковномъ. Значитъ внушено народу, что нужно подходить къ святынѣ съ благоговѣніемъ и родители не пугаютъ своихъ дѣтей священникомъ, какъ это бываетъ въ нашемъ простомъ народѣ.

Проповѣдь говорилъ о. протоіерей сначала порусски, потомъ потатарски. Рѣчь его простая, безыскусственная, прямо отъ сердца, была понятна старому и малому. Пріятно было видѣть, какъ народъ придвинулся къ аналою, и съ какимъ вниманіемъ слушалъ проповѣдующаго. Говорилъ о. Стефанъ, какъ отецъ съ своими дѣтьми.

Кончилась служба, народъ не выходилъ изъ церкви. Вышелъ изъ алтаря о. Стефанъ, всѣхъ благословилъ, и тогда народъ сталъ расходиться по домамъ.

Послѣ обѣдни мнѣ нужно было идти къ начальнику миссіи. Я думалъ встрѣтить важнаго протоіерея, выступающаго и поступающаго съ созваніемъ собственнаго достоинства. Будучи въ пономаршемъ чинѣ, я воображалъ, что о. Стефанъ приметъ меня въ передней и затѣмъ немедленно отпуститъ. Но мои предположенія оказались ошибочными. Лишь только я вошелъ въ переднюю, гдѣ уже были новокрещенные, съ которыми бесѣдовалъ о. Стефанъ, о. протоіерей, благословивъ меня, пригласилъ въ ту комнату, гдѣ семья его пила чай. Окончивъ бесѣду съ просителями, пришелъ о. Стефанъ въ чайную. Я, изъ уваженія къ его сану, поднялся со стула.

— Вы безъ чиновъ, не стѣсняйтесь; въ миссіи у насъ всѣ равны, сказалъ мнѣ о. протоіерей.

Бѣдная обстановка въ домѣ, простота и радушіе хозяина, внимательное, чисто отеческое отношеніе къ подчиненнымъ, невольно располагали сердца къ о. протоіерею. Чѣмъ далѣе мы бесѣдовали, тѣмъ яснѣе для меня становилось, что о. Стефанъ не изображаетъ собою недоступнаго строгаго начальника, а старшаго брата, котораго слѣдуетъ только любить.

У о. протоіерея были въ это время миссіонеръ священникъ о. Іоаннъ Смольяниковъ и іеродіаконъ о. Смарагдъ. Сразу мнѣ понравился о. Іоаннъ. Человѣкъ этотъ, желая служить святому дѣлу миссіи, бросилъ свой богатѣйшій приходъ и поступилъ на службу миссіонерскую при полномъ сознаніи, что ему въ матеріальномъ отношеніи будетъ трудно жить съ семьей на скудномъ жалованьи.

Пока мы сидѣли у о. протоіерея, его то и дѣло отрывали отъ бесѣды новокрещенные. Одинъ проситъ ячменя на пропитаніе, другой — корову для маленькихъ дѣтей, третій жалуется, что нездоровье помѣшало ему окончить постройку своей избушки.

— О. Стефанъ! я все сдѣлалъ въ избѣ, только силъ не хватаетъ на два окна, — говоритъ проситель.

О протоіерей, на сколько могъ, всѣмъ сдѣлалъ пособіе.

Не много погодя, опять пришли новокрещенные. Тотъ проситъ лекарства, другой жалуется на жену, что она лѣнива и проч. и проч. Просителей такъ много было, что бѣдному протоіерею не дали напиться чаю.

— Неужели такъ бываетъ у васъ каждый день? — спросилъ я.

— Нѣтъ, сегодня еще мало было у меня народу, — отвѣтилъ о. Стефанъ.

Всякаго приходящаго о. Стефанъ встрѣчалъ и провожалъ ласково, безъ малѣйшей тѣни неудовольствія за постоянное безпокойство.

Между тѣмъ принесли бумаги о. протоіерею изъ Земскаго Суда. Взявъ бумаги, о. Стефанъ перекрестился и сказалъ: о Господи! докуда это будетъ? Когда будетъ конецъ этимъ

напастямъ? Лицо протоіерея приняло при этомъ озабоченный видъ.

— Нѣтъ, не буду теперь читать этихъ бумагъ; послѣ, когда посвободнѣе будетъ, прочту, добавилъ онъ.

Возвратившись въ квартиру, я былъ весьма доволенъ, что поступилъ въ миссію и нашелъ дѣло, о которомъ мечталъ. Радость свою я не зналъ съ кѣмъ раздѣлить. Душа была полна восторга и другихъ пріятныхъ ощущеній отъ видѣннаго сегодня. Не имѣя никого, ни родственниковъ, ни друга въ Сибири, я дерзнулъ свою радость и благодарность высказать письменно моему благодѣтелю Преосвященному Томскому Пароенію, который и направилъ меня въ Алтай.

Въ 1860 году Благовѣщеніе было въ воскресенье передъ 6-ю седмицею великаго поста.

На 6-й недѣлѣ была ежедневная служба для говѣющихъ, которыхъ было около 200 человекъ. Въ субботу они пріобщились. Нѣкоторыхъ постниковъ о. Стефанъ не пріобщалъ, а давалъ имъ святой богоявленской воды.

Послѣ службы я спросилъ у о. Стефана, почему онъ не удостоилъ нѣкоторыхъ новокрещенныхъ св. причащенія?

— У насъ, въ миссіи, — отвѣтилъ о. протоіерей, — заведено это еще покойнымъ о. архим. Макаріемъ. Есть между новокрещенными бывшіе камы, которые и послѣ крещенія впадали въ прежній грѣхъ, есть и другіе явные грѣшники, которые своимъ поведеніемъ подають другимъ соблазнительный примѣръ. Вотъ для такихъ то людей у насъ такъ и дѣлается.

На страстной недѣлѣ служба была ежедневная. Народу ходило въ церковь столько, что зданіе церковное не могло всѣхъ вмѣщать: многимъ приходилось стоять на улицѣ у растворенныхъ дверей и оконъ церкви. Весна въ то время была равняя, теплая, снѣгъ живо весь растаялъ.

Во вторникъ на страстной недѣлѣ о. Стефанъ послѣ службы сказалъ о. іерод. Смарагду и мнѣ: «вотъ и Пасха скоро, надо поприбраться маленько. Вы потрудитесь между службами распорядиться убрать щепки на миссіонерскомъ дворѣ и скатать

въ кучу бревна, что около церкви валяются безъ всякаго порядка. Такъ если оставить ихъ, вѣдь они напрасно гнить будутъ». Затѣмъ, взглянувши на меня, о. Стефанъ продолжалъ: «у насъ въ миссіи никакое дѣло не унижаетъ человѣка. У насъ слугъ нѣтъ, а нанять людей для всякой бездѣлицы у насъ и средствъ не хватитъ. Служащему въ миссіи придется браться за всякое дѣло. Всѣ у насъ прошли эту школу».

Возвратившись въ квартиру я спросилъ у о. Смарагда о значеніи сказаннаго начальникомъ миссіи.

— Дѣло очень просто, отвѣчалъ Смарагдъ, ты самъ видишь, что у насъ нѣтъ никакихъ прислужниковъ. Въ церкви самъ подметаешь, самъходишь за просфорами, самъ и отзвонишь къ службѣ. Ты читаешь часы или еще что дѣлаешь, а толмачъ прислуживаетъ въ алтарѣ, кадило раздуваетъ, со свѣчекъ свимаетъ. Случалось и такъ, если усланъ куда либо причетникъ, начальникъ самъ поблаговѣститъ къ службѣ, а причетникъ, услыхавши звонъ, поторопится въ церковь. О. Стефанъ семь лѣтъ при миссіи исполнялъ всякія работы—и бѣлыя и черныя; Михаилъ Андреевичъ Невскій, даромъ что студентъ, а вотъ шесть лѣтъ уже трубить: и щепы убиралъ, и дома конопатилъ и глиною замазывалъ, и печки изъ глины билъ и подполья вычищалъ. Здѣсь всѣ такъ живутъ; всѣ сами себѣ и слуги и хозяева. Здѣсь народъ надо приучать къ труду и мы должны показывать на самихъ себѣ примѣръ трудолюбія. Мы съ тобой недоучки, намъ и Богъ велѣлъ ни отъ чего не отказываться. Всѣ служащіе въ миссіи проходили эту школу и ты не составишь исключенія, если будешь терпѣть,—не уйдешь на приходъ.

Чтобы исполнить просьбу о. Стефана,—распорядиться мы могли только сами собою. Вооружившись метлами и лопатами, мы очистили миссіонерскій дворъ отъ сору, а на другой день скатили бревна

Въ свободное время о. Смарагдъ рассказывалъ мнѣ, какъ жили и живутъ служащіе въ миссіи. Теперь, повѣствовалъ о. Смарагдъ, мы, сравнительно съ прошлымъ, живемъ хорошо.

Два года назадъ (въ 1858 г.) Св. Синодомъ утвержденъ штатъ миссіи. Штатныхъ становъ шесть: Улалинскій, Чемальскій, Мыютинскій, Черно-Авуискій, Макарьевскій и Кузнецкій (въ Кузедѣевѣ). На жалованье служащимъ и на всѣ потребности миссіи изъ типографскихъ суммъ Св. Синода отпускается ежегодно четыре тысячи рублей. Жалованье положено: начальнику 500 руб. шести штатнымъ миссіонерамъ священникамъ по 300 руб. въ годъ, причетникамъ—по 110 руб. Остальныя деньги распределены: на содержаніе церквей, поддержку заведеній становъ, на канцелярскія потребности, на вещи при крещеніи и пособія бѣднымъ и больнымъ инородцамъ и наконецъ—на училища.

Удовлѣтитъ всѣ означенныя потребности изъ четырехъ тысячъ невозможно, потому что дѣло наше съ каждымъ днемъ растетъ, а вмѣстѣ растутъ и расходы. Спасибо—добрые люди помогаютъ. Въ Москвѣ есть священникъ о. Николай Лавровъ. Вотъ онъ то до утвержденія штатовъ содержалъ всю миссію, собирая пожертвованія въ Москвѣ. На его деньги построены церкви, дома для миссіонеровъ и училища. И теперь его стараніемъ пріобрѣтаются въ Москвѣ и посылаются въ миссію сосуды, кресты, иконы, ризы и другія облаченія, новокрещенымъ строятся избышки, самымъ бѣднымъ даются лошади и коровы, а самымъ бѣднѣйшимъ—ячмень на пропитаніе.

До утвержденія штатовъ, миссіонеры, раздавая все бѣднымъ инородцамъ и употребляя всѣ пожертвованія на нужду миссіи, сами терпѣли нужду, кажется, болѣе самихъ новокрещенныхъ. Въ то время каждому миссіонеру, будь онъ монахъ, или семейный отпускалось, на содержаніе, въ видѣ жалованья, на всѣ его нужды 80 руб. въ годъ. Причетники питались около миссіонеровъ и мѣстныхъ жителей. Причетникамъ для зимы выдавалось на каждаго по шубѣ (стоимости 3 р.), только безъ воротника, изъ киргизскихъ овчинъ, для лѣта—добинныя халаты и для осени стеженныя халаты. Выдавались и сапоги. Вся эта одежда и обувь замѣнялась новою тогда, когда на плечахъ болтались одни лохмотья и на ногахъ только слабые намеки

на обувь. Ты, можетъ быть, не вѣришь сказанному, самъ можешь увидать это. Послѣ Пасхи навѣрно будутъ прїѣзжать въ Улалу миссіонеры и причетники. Самъ увидишь, во что одѣты и обуты Митрофанъ и Пакулевъ; они еще не вошли въ штатъ, живутъ на прежнемъ положеніи. Миссіонерамъ священникамъ, въ видѣ награды, давали по нанковой рясѣ, а ихъ женамъ—по ситцевому платью. При такой скудости всѣ миссіонеры питались однимъ сухояденіемъ.

Съ утвержденіемъ штатовъ бытъ миссіонеровъ улучшился: вмѣсто кирпичнаго чая стали они покупать фамильный, завели, гдѣ это возможно, телѣги и кошевы, стали лакомиться по временамъ говядиной и щеголять въ люстриновыхъ рясахъ и кунгурскихъ сапогахъ. Но все таки, и при улучшенномъ положеніи, миссіонеры живутъ, сравнительно съ приходскимъ духовенствомъ, нищенски, потому что, кромѣ жалованья, въ миссіи доходовъ викакихъ нѣтъ. Всѣ требы исполняются у инородцевъ безмездно. Если и бываютъ грошечные доходы, напр. отъ русскихъ людей за молебны, то эти доходы обращаются въ пользу церкви. На 15 рублей, отпускаемыхъ на содержаніе церкви, что можно сдѣлать? Нужны свѣчи, красное вино, ладонъ, крупчатка, деревянное масло. Всякому желательно, чтобы въ церкви было по благолѣпнѣе. Къ праздникамъ большимъ надо и свѣчи поставить покрупнѣе, зажечь лампадки, испечь просфоры изъ крупчатки. Изъ 15 рублей на весь годъ эти нужды не поправишь. Вотъ на эти то нужды и употребляются наши ничтожные доходы».

Къ празднику Пасхи мы съ о. Смарагдомъ отыскали въ ризницѣ куски цвѣтныхъ шерстяныхъ матерій. Этими матеріями мы драпировали весь убогій Улалинскій иконостасъ. Около церкви заготовили кучи дровъ, чтобы зажечь ихъ въ Пасхальную ночь. У инородцевъ Параевыхъ и купцовъ Щетивинныхъ и Жировыхъ выпросили сала и дегтя и заготовили плошки. Одинъ новокрещенный гдѣ то отыскалъ и привезъ къ церкви дегтярную бочку.

Не задолго до благовѣста къ Пасхальной утрени, весь этотъ горючій матеріаль былъ зажженъ. Въ то же время ивородпы зажгли горы, окружающія Улалу. Погода стояла тихая, ясная; наша иллюминація удалась, какъ нельзя лучше. На улицѣ сдѣлалось такъ свѣтло, что все было видно, какъ днемъ. Особенно интересно было смотрѣть, какъ пылали горы. Такой великолѣпной иллюминаціи, говорили мы съ о. Смарагдомъ, не видали ни Москва, ни Петербургъ.

Въ Пасхальную утреню, въ определенное время стали христосоваться. И тутъ бросилась въ глаза особенность. Въ миссіи не цѣлуютъ другъ друга въ уста, какъ это принято на Руси, а въ плечи, по монашески.

За Пасхальной обѣдней Евангеліе читалось на трехъ языкахъ: о. Смарагдъ (іеродіаконъ) читалъ по славянски, о. Стефанъ—по татарски и о. Іоаннъ Смольяниковъ—по гречески. Христосъ воскресъ пѣли по переменѣно на этихъ же языкахъ.

Находясь на окраинѣ Православнаго царства, отрадно было видѣть, что свѣтъ Христовъ заблесталъ въ горахъ Алтая, а отсюда онъ можетъ свѣтитъ дальше и дальше въ страны языческія—въ Монголію и Киргизію. Хотѣлось вѣрить, что свѣтъ этотъ скоро освѣтитъ всю темную Азію. При этомъ свѣтѣ должна разсѣяться тьма язычества, откроются очи въ странахъ магометанскихъ и буддійскихъ и узрять этотъ свѣтъ заблудившееся азіатское человѣчество. Дай Господи, чтобы это поскорѣ совершилось. Для насъ Христосъ воскресъ, а для азіатовъ Овъ, точно, не приходилъ еще.

Смотря на это Пасхальное торжество, на лица новокрещенныхъ, сіяющія отъ восторга, думалось: вы, недавніе язычники, вкусите и видите, яко благъ Господь. Оставленное вами язычество въ состояніи ли возбудить такой духовный восторгъ? Испытало ли ваше сердце такія сладостныя ощущенія при вашихъ кровавыхъ нелѣпыхъ жертвоприношеніяхъ? Только съ принятіемъ крещенія вы узнали, что такое духовный восторгъ. Теперь вы будете съ радостію восклицать вмѣстѣ съ нами: кто Богъ велій, яко Богъ нашъ, Ты еси Богъ, творяй чудеса!

О, если бы вы, новокрещенные, знали, какую цѣною досталось вамъ это Пасхальное торжество, какъ была проведена первая христіанская Пасха, какъ она совершилась во времена апостольскія, когда лились цѣлые потоки крови святыхъ мучениковъ, тогда у васъ открылся бы еще новый источникъ радости: вы стали бы благодарить Бога за то, что живете въ 19 вѣкѣ и находитесь въ предѣлахъ христіанскаго государства.

Во вторникъ на Пасхѣ, послѣ обѣдни, напившись чаю у Стефана, мы всѣ т. е. Стефанъ, Іоаннъ, о. Смарагдъ, я, толмачъ и учитель школы, отправились на самую высокую Улалинскую гору—Тургаю. Радъ я былъ этой экскурсіи; съ самаго пріѣзда въ Улалу, меня постоянно томило желаніе побывать на этой горѣ и оттуда полюбоваться видами.

На гору я шелъ впереди всѣхъ. О. Стефанъ, остановившись для отдыха, крикнулъ мнѣ: «помаленечку, помаленечку; умыкають еще бурку крутыя горки».

Взошли на самое тѣмя горы. О. Стефанъ, обратившись къ востоку, и, смотря на цѣпь горъ, сказалъ: горы Алтайскія, Христосъ воскресе! Тоже онъ говорилъ обратившись къ югу и западу причемъ благословилъ эти стороны.

Сѣли. Видъ отсюда прекрасный. На югъ виднѣлись свѣжныя вершины Адыгана и Чаптыгана. Смотрѣлъ я, какъ очарованный, то въ ту, то въ другую сторону, не отрывая глазъ, любовался, восторгался, благоговѣлъ предъ этой чудной, величавой картиной природы.

Отдохнувъ немного, о. Стефанъ сказалъ намъ: «какъ хорошо здѣсь! Давайте, что нибудъ споемъ». Запѣли: благослови душе моя Господа, Господи Боже мой возвеличился еси зѣло, и проч. Потомъ запѣли изъ Ленты: о Троице святая, въ тріехъ единый Богъ! томимся мы, желая въ пресвѣтлый Твой чертогъ. Пѣли: съ нами Богъ, разумѣйте языцы и еще что то,—теперь не припомню.

Налюбовавшись видами и напѣвшись вдоволь, мы стали собираться домой.

— Ну, теперь пора и домой, сказалъ о. Стефанъ. Вы, Василій Моисеевичъ, бойко шли на гору, посмотримъ, какъ спускаться будете. Особенно интересно будетъ посмотрѣть, когда придете домой.

Дѣйствительно, подниматься на гору было несравненно легче, чѣмъ спускаться: въ послѣднемъ случаѣ ноги точно подламываются. Это конечно зависитъ отъ неестественнаго положенія тѣла. Но бѣда въ томъ, что это положеніе тѣла бываетъ продолжительно, а вслѣдствіе этого происходитъ растяженіе мускуловъ. Я насилу сошелъ съ горы и съ большимъ усиліемъ добрелъ до квартиры.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія Мыютинскаго миссіонера.

(Окончаніе. См. № 6).

Въ 1860 году Улалинское отдѣленіе было однимъ изъ огромнѣйшихъ; на юго-востокъ оно простиралось до Китайской границы и Енисейской губерніи. Кебезенскій станъ миссіи еще не былъ открытъ. Въ Чемальскомъ станѣ въ то время не было миссіонера, и этимъ станомъ и отдѣленіемъ завѣдывали Улалинскіе миссіонеры. Для одного только удовлетворенія духовныхъ нуждъ христіанъ, живущихъ на этомъ громадномъ пространствѣ, Улалинскимъ миссіонерамъ приходилось дѣлать большіе поѣздки, вдобавокъ по совершенному бездорожью. Поѣздки были частыя, во всякое время года.

Вскорѣ послѣ Пасхи, какъ только открылась возможность ѣхать, о. Іоаннъ Смольяниковъ отправился въ Чемаль для богослуженія и совершенія требъ. Меня отправили съ нимъ, въ качествѣ причетника. Ёзда, разумѣется, была верхомъ. Выѣхали изъ Удалы утромъ.

— Вечеромъ надо быть въ Чемаль, сказалъ о. Іоаннъ. День теперь большой, 70 верстъ можно будетъ проѣхать, если не будетъ въ дорогѣ задержки. Только выдержишь ли ты эту

дорогу, — обратился ко мнѣ о. Іоаннъ, — въ первый вѣдь разъ ѣдешь верхомъ.

Проѣхали версть 30, я не чувствовалъ никакой усталости. На перевалѣ Узненскомъ открылся прекрасный видъ на закатунскія горы, совершенно не похожія на тѣ черневыя, овальныя, травянистыя горы, которыя я видѣлъ. Около Катуня и за Катунью горы сѣрыя, голый камень и вершины ихъ гребнемъ. Вдали виднѣлись бѣлки. Я залюбовался на эту картину.

— Какъ здѣсь хорошо; какія горы, какіе виды! — сказалъ я о. Іоанну.

— Говорю тебѣ, Моисеевичъ, — отвѣтилъ мнѣ о. Іоаннъ, — пройдетъ четверть вѣка, или съ небольшимъ, и виды эти измѣнятся. Камни останутся, а лѣсу не будетъ.

О. Іоаннъ былъ поэтъ въ душѣ, онъ еще болѣе восторгался видами, чѣмъ я.

Спустившись въ долину Узнези, заходили въ юрты некрещенныхъ алтайцевъ.

Въ первый разъ въ жизни мнѣ довелось быть въ юртѣ, да еще некрещеннаго человѣка. Меня все интересовало. Духота, нечистота, нагія дѣти и вся обстановка показывали, на какой низкой степени развитія стоятъ алтайцы.

Сравнивая ихъ житье съ жизнію крещеныхъ, я отъ души благодарилъ Бога, что Онъ направилъ сюда о. арх. Макарія. Изъ этихъ кочевниковъ миссіонеры сдѣлаютъ полезныхъ гражданъ Русскаго государства.

Поѣхали дальше. Сѣдло подо мной калмыцкое, съ короткими стременами, сидѣть пришлось скрючившись. Ноги такъ устали, что сначала чувствовалась боль, а потомъ одеревенѣли.

Сдѣлалось темно; узенькой дорожки, по которой мы ѣхали, не видно. Мой конь за что-то запнулся, и я полетѣлъ черезъ голову лошади. Всѣ засмѣялись. О. Іоаннъ сказалъ мнѣ: надо поводъ потуже держать; ваша лошадь имѣетъ худую память, забываетъ свои обязанности. Вы ее потуже держите и подергивайте.

При паденіи я не ушибся, но одеревенѣлыя ноги отказывались служить. Съ полсотни сажень прошелъ я пѣшкомъ и ноги немного отошли.

Сѣлъ я опять на коня. Боже мой! точно я на ножахъ сижу; и ноги и плечи, и все тѣло болитъ. Съ немалымъ трудомъ добрался я до Чемала. Какъ только пріѣхалъ, такъ и легъ.

— Погоди, — сказалъ о. Іоаннъ, — это цвѣтки, а ягоды завтра.

На другой день я всталъ точно весь избитый: ни руками, ни ногами пошевелить не могу.

Макаръ Ивановичъ Козловъ. у котораго мы остановились, посоветовалъ мнѣ полѣчиться. Чѣмъ убился, тѣмъ и лѣчиться надо, сказалъ онъ, и тутъ же приказалъ осѣдлать лошадей.

— Сначала только трудно будетъ, а потомъ вы разомнетесь и — ладно будетъ, сказалъ Макаръ, и затѣмъ сходите въ баню и какъ рукой сниметъ.

Насилу я сѣлъ на коня и всѣ мы поѣхали на устье рѣки Чемала. Взадъ и впередъ будетъ версты четыре.

Дѣйствительно, послѣ верховой ѣзды мнѣ стало лучше, я бодрѣе сошелъ съ коня; а когда сходилъ въ баню, — болей какъ не бывало.

Изъ Чемала воротился домой уже безъ всякихъ болей, не смотря на неудобство калмыцкихъ сѣделъ.

Дорога просохла. Миссіонеры со становъ стали пріѣзжать въ Улалу, кто за жалованьемъ, кто за совѣтомъ къ начальнику, кто по дѣламъ своего отдѣленія. Тутъ я познакомился со всѣми миссіонерами. Не смотря на то, что я былъ новоначальнымъ и только причетникомъ, служащіе въ миссіи относились ко мнѣ, какъ бы къ равному.

По выходѣ изъ школы миссіонеры, какъ видно, заботились о своемъ самообразованіи чрезъ чтеніе дѣльныхъ книгъ, и хотя обладали солидными свѣдѣніями, но всегда считали себя недоучками. Къ тому же, это были люди усердные къ дѣлу, и, наученные опытомъ, умѣли исполнять свои обязанности, и не отказывались ни отъ какого дѣла. Только такіе, не из-

балованные жизненными удобствами, люди могли выносить всю тяготу миссіонерскаго служенія, и всю гнетущую бѣдноту, царившую въ то время въ миссіи. Между собою поговорять бывало о различныхъ трудахъ, но написать и повѣдать объ этомъ свѣту стыдились. Какіе же мы миссіонеры, когда не хотимъ переносить неизбѣжныхъ неудобствъ? Такъ разсуждали въ то время. А между тѣмъ, въ то время еще дорогъ никакихъ не было въ Алтаѣ, кромѣ верховыхъ и лыжныхъ. И объ этомъ неудобствѣ никто никогда не поминалъ.

Эти то люди, терпѣвшіе всякую нужду въ самомъ необходимомъ, основали, при ничтожныхъ средствахъ, станы миссіи, образовали изъ кочевыхъ инородцевъ деревни, построили въ нихъ молитвенные дома, завели училища, съумѣли заставить кочевыхъ новокрещенныхъ бросить свою юрту и построить избу, научили инородцевъ занятіямъ, необходимымъ при осѣдомомъ образѣ жизни.

И жены миссіонеровъ принесли Алтаю не маловажную пользу и онѣ сослужили свою службу. Будучи единственными представительницами русской женщины въ Алтаѣ, онѣ научили инородокъ прясть, ткать, вязать, шить; научили кроить и шить русскую одежду, научили сѣять муку, печь хлѣбъ, убѣдили ѣсть грибы и ягоды, коихъ инородцы никогда не ѣли, научили садить овощи и заготовлять ихъ впрокъ; пріучили жить въ домахъ, научили опрятности и чистотѣ въ жилищахъ и одеждѣ. Жены миссіонеровъ умѣли поставить себя такъ, что инородки обращались къ нимъ за разрѣшеніемъ всякихъ недоразумѣній по женской части. Захвораетъ ли ребенокъ, — идутъ за совѣтомъ къ женѣ миссіонера. Особенную услугу оказали матушки тѣмъ, что уничтожили среди новокрещенныхъ нелѣпыя варварскіе обычаи при родахъ*) и другихъ случаяхъ.

*) Когда женщина почувствуетъ приближеніе родовъ, инородцы такъ дѣлаютъ: созываютъ мужчинъ и женщинъ въ ту избу или юрту, гдѣ находится больная. Роженица помѣщается на полу, среди избы. Чтобы ускорить роды, стрѣляютъ изъ ружей, отпираютъ всѣ замки, зазываютъ всякаго встрѣчнаго, — авось на счастливаго родится, подвѣшиваютъ роженицу на ремнѣ къ матицѣ, заставляютъ натужиться, суютъ косы въ ротъ и проч.

Вмѣстѣ съ миссіонерами прїѣзжали въ Улалу, по дѣламъ службы, причетники миссіи, которыя назывались у насъ церковно-служителями. Причетниками въ то время были: монахъ Дометіанъ, Митрофанъ Мухинъ, Евгеній Елисѣевъ, Василій Пакулевъ, Осипъ Александровскій, Александръ Быстрицкій, Павелъ Розовъ и пишущій эти строки.

Всѣ эти причетники, прїѣзжая въ Улалу, останавливались въ училищѣ, гдѣ я имѣлъ квартиру, поэтому мнѣ пришлось со всѣми ими познакомиться. Разказы этихъ людей были полны интереса. Причетникъ въ миссіи въ то время не имѣлъ постояннаго мѣста жительства и обязанъ былъ дѣлать все, что бы ни заставляли. Причетникъ обязанъ былъ писать, что нужно по стану, а затѣмъ, онъ же обязанъ развозить конверты по назначенію. Случается, иногда крестится жѣнщина, у которой остались дѣти у родственниковъ язычниковъ. Чтобы привести дѣтей изъ кочевьевъ татарскихъ, посылали обыкновенно причетника. Эти порученія были самыя тяжелыя: родственники не отдаютъ дѣтей. «Лучше мы ихъ бросимъ въ огонь, чѣмъ отдадимъ для крещенія», отвѣчаютъ язычники причетнику. При этомъ угрожаютъ посланному разнаго рода насиліями, которыя приводились иногда въ исполненіе. Такъ, Митрофана Мухина и Евгенія Елисѣева нѣсколько разъ татары били плетьюми; Василя Пакулева хотѣли зарѣзать ножомъ, или застрѣлить изъ ружья. Случалось и то, что посланыхъ причетниковъ татары запирали въ юрту или амбаръ и томили голодомъ, или отдавали подъ караулъ, гдѣ они терпѣли всякія насмѣшки и поруганія. Въ довершеніе всего, причетники ходили въ какихъ то лохмотьяхъ и дырявыхъ сапогахъ. Лѣтомъ все таки сносно было терпѣть, а зимою приходилось переносить и стужу и голодъ. Даже воротника къ шубѣ не было.

Не знаю, были ли въ то время должности труднѣе миссіонерскаго причетника?

Смотрѣлъ я на этихъ тружениковъ и удивлялся. Изъ разказовъ ихъ не видно было, что они тяготятся такою жизнію.

Всѣ эти бѣдняки причетники жили въ миссіи, трудились, не роптали и о перемѣнѣ мѣста службы не думали. Одни изъ нихъ, вслѣдствіе непомѣрныхъ трудовъ, получили чахотку и умерли; другіе, разстроили здоровье, и по необходимости, переходили куда вибудь на приходъ.

Находясь въ главномъ станѣ миссіи, я имѣлъ возможность видѣть всѣхъ миссіонеровъ и служащихъ въ миссіи. Изъ разсказовъ миссіонеровъ, пріѣзжавшихъ въ Уладу изъ равныхъ концевъ Алтая и кузнецкой черни, я познакомился съ ходомъ миссіонерскаго дѣла на Алтаѣ. Разказы касались разныхъ сторонъ миссіонерской службы: практики обращенія инородцевъ, основанія деревень, избранія пункта, выгоднаго для основанія новаго стана. Между прочимъ мнѣ припоминается слѣдующій разказъ о. Дюметіана: «Миссіонерское начальство задумало устроить селеніе на Урсулѣ (въ самомъ центрѣ Алтайскаго населенія), на устьѣ р. Онгудая (теперь станъ миссіи). Дороги туда, кромѣ верховой, никакой нѣтъ. Русскихъ—ни одного человѣка. По Урсульской долиняѣ и на устьѣ Онгудая калмыцкихъ юртъ было множество. Подряженный плотникъ, на указанномъ мѣстѣ выстроилъ избушку и уѣхалъ. Жить въ Онгудай послали меня. Еще дорогою мнѣ сказывали, что калмыкамъ непріятно, что построена изба, а на Урсулѣ мнѣ прямо говорили некрещеные, что они употребятъ всѣ силы, чтобы не было въ Онгудай деревни. Отъ проѣзжающихъ русскихъ я услышалъ, что калмыки хотятъ сжечь построенную избу. Пріѣхалъ я въ Онгудай осенью, ватопилъ свою избушку, а самъ пошелъ къ сосѣдямъ—калмыкамъ. Смотрю всѣ глядятъ на меня непріязненно, а между собою говорятъ: «вотъ пріѣхалъ одинъ русскій, а потомъ пріѣдутъ еще. А куда пріѣдутъ русскіе, тамъ всегда падаетъ снѣгъ. У насъ будетъ тоже самое. За тѣмъ построятъ церковь, заселятъ новокрещенными, и прощай тогда наше мѣсто;—уѣзжать доведется отсюда». Ну, думаю, не красиво мое положеніе, когда не стѣсняются при мнѣ говорить такія вещи. Передъ вечеромъ вышелъ я на крыльцо посидѣть. Подъѣхалъ ко мнѣ калмыкъ. Разговорились.

Я у него спросилъ, куда онъ ѣдетъ. Калмыкъ отвѣчалъ: вверху по Урсулу. А между тѣмъ повернулъ коня и поѣхалъ вовсе въ другую сторону. У меня родилось подозрѣніе: должно быть онъ за мною подсматриваетъ. Не много погодя, ѣдутъ три калмыка, остановились противъ моей избушки саженьяхъ въ ста и о чемъ то горячо разсуждаютъ, а сами показываютъ на меня. Постояли эти калмыки и куда то рысью поѣхали. Подозрѣніе мое еще болѣе усилилось. Думаю: должно быть они стовариваются съ женою мою избушку и меня вмѣстѣ. Дѣло было къ вечеру, стало совсѣмъ темно, а я все сижу на крыльцѣ. Наконецъ усталость взяла свое. Вошелъ я въ свою хату, просидѣлъ часовъ до 11, помолился Богу и легъ, а самъ все думаю: а нутка меня сожгутъ? Ну, пусть будетъ воля Божія! Только сталъ я засыпать, вдругъ что то такъ грохнуло, что задрожала вся моя избушка. Испугался я страшно, вскочилъ съ постели, добылъ огня и жду, что будетъ дальше. Прошло минутъ пять,—все тихо. Дай, думаю я, выйду въ сѣни и тамъ послушаю. Сталъ отворять дверь,—дверь не отворяется. Ну, думаю, это меня приперли, скоро начнутъ жарить. Подождалъ я еще съ четверть часа,—ничего не слышно, все тихо. Сталъ я отворять дверь,—подается тихо. Наконецъ, кое какъ, отворилъ вершка на три. Оказалось: въ сѣняхъ были сложены дрова, чтобы не растаскали ихъ калмыки, такъ эти то дрова упали, придавили дверь и шумомъ, при своемъ паденіи, напугали меня».

Въ іюлѣ мѣсяцѣ пріѣзжалъ въ Улалу Преосвященный Паревній, чтобы,—какъ онъ выразился,—посмотрѣть на свое любимое дѣтище—миссію, и отдохнуть душою.

Никогда мнѣ не забыть этого великаго святителя. Пріѣхалъ онъ къ намъ, какъ отецъ родной, который долго былъ въ отлучкѣ и наконецъ воротился въ свою семью. Какая была у него святая простота въ обращеніи! Съ послѣднимъ изъ служащихъ въ миссіи онъ обращался, какъ отецъ съ сыномъ. Миссіонеры разсказывали ему и радости свои и горести, и онъ ко всему относился съ сердечнымъ участіемъ. Владыка

говорилъ съ служащими въ миссія не объ однихъ только служебныхъ дѣлахъ, а и о другихъ нуждахъ и дѣлахъ житейскихъ. Какъ бывшій семейный человѣкъ, онъ отлично понималъ житейскія дѣла. Къ новокрещенымъ онъ относился съ искреннею любовію. Наши инородцы, какъ праздника, дождались пріѣзда этого Владыки. Преосвященный былъ особенно щедръ къ бѣднякамъ: кому дастъ на покупку коровы, кому на хлѣбъ, кому на одежду, всѣхъ одѣлитъ крестиками, а грамотныхъ — книжками.
